

Тем временем Цзян Лю, пытавшийся понять, уловила ли мать его намек, пришел к выводу, что больше похоже на то, что она просто не желала говорить на эту деликатную тему с собственным сыном.

Если он хотел поговорить с ней о Ху Гуйжуне, ему нужно было выбрать подходящий момент.

— Мама уже подготовила горячую воду, так что иди-ка ты отмокать, а я потом приду и потру тебе спинку.

Вернувшись домой, Мэн Юнь тут же принялась хлопотать по хозяйству. Заметив сына, который все это время слонялся по двору, не зная чем заняться, она, похоже, почувствовала раздражение и поспешила отправить его в ванную.

— Мама, я собираюсь учиться в школе, так что мне нужно научиться принимать ванну самостоятельно.

Пробыв несколько дней в этом теле, Цзян Лю пока ограничивался ежедневным мытьем ног и всегда делал это сам. Он едва не забыл о большом купании, во время которого обычно эта красавица, мать оригинала, помогала ему с мытьем.

Наверняка для первоначального владельца тела, который был ребенком, это не было проблемой, но зрелый мужчина, заменившего его, чувствовал себя неловко. Он не мог позволить этой красивой девушке трогать его спину и смотреть на его обнаженное тело!

— Не смей считать себя взрослым, пока хотя бы бриться не начнешь! Хватит зря тратить мое время, поторопись и позволь этой старушке искупать тебя.

Похоже госпожа Мэн Юнь сегодня особо вспыльчива. Уперев руки в бока, она пронзила сына взглядом, не терпящим возражений.

— Говорю тебе: даже если ты пойдешь в школу учиться и сдашь экзамен с самым лучшим результатом, для мамы ты все равно останешься сыном. Не уподобляйся тем кислым ученым, которые даже дома ведут заумные речи.

Мэн Юнь знала о таких людях, которые успешно сдав государственный экзамен и получив звание ученого, начинали презирать босоногих деревенских родственников. Эти неблагодарные белоглазые волки даже не задумывались, что должны заботиться о тех, кто их вырастил и воспитал. Она всегда презирала таких людей и не желала, чтобы ее сын стал одним из них.

— Я понял, мам.

Страх перед силой тигрицы, которая таилась в его красавице-матери, все еще трепетал в

глубине сердца Цзян Лю, так что он не осмелился провоцировать ее. Он взял ковш для воды, чистую одежду и покорно направился в ванную.

Местная ванна представляла собой пустую не слишком просторную комнату, в центре которой стояла бадья с водой и низкая табуреточка. В обычные дни они вдвоем использовали эту комнату, чтобы умыться. Сейчас горячая вода была уже готова, поэтому Цзян Лю встал на табурет и залез в бадью.

Погрузившись в теплую воду, он невольно вздохнул. Затем Цзян Лю с помощью ковша зачерпнул воду и вылил ее себе на макушку. В их доме не было ничего, вроде мыла или шампуня, так что он мог только ополоснуться чистой водой и хорошенько почесать волосы на затылке. Можно сказать, помылся.

Пока он мылся, мать дважды приносила еще ведро горячей воды и подливала в бадью. Когда его кожа уже начала морщиться, она, наконец, нашла свободную минутку, чтобы потереть сыну спину.

В руках у Мэн Юнь была мочалка, сделанная из мякоти люффы. Для ее изготовления зрелые плоды люффы сушили во дворе, а потом очищали от внешней кожицы. В сельской местности такие мочалки использовали не только для мытья посуды, но и для того, чтобы оттирать грязь с тела.

П.п.: Люффа и в наше время широко известна как растительная мочалка. Этот овощ относится к семейству тыквенных, сильно вьется. Молодые плоды не только внешне похожи на кабачок, но и в пищу употребляются так же, а зрелые годятся только на мочалки.

Руки Мэн Юнь, которая столько лет сама молола сою для тофу, имели немалую силу. Стоило ей пару раз терануть спину сына, как Цзян Лю скорчил гримасу и вскрикнул от боли.

— Да ладно тебе, хватит кричать! Раньше, когда я тебя купала, ты не устраивал такой суматохи, верно?

Мэн Юнь погладила сына по голове и быстро поймала за руку, когда он попытался улизнуть. Она притянула его назад и тщательно вымыла со всех сторон.

— Посмотри, какой ты грязный! И ты еще не хочешь, чтобы я тебя терла? Будь осторожнее в школе, а то другие дети засмеют такого грязнулю.

Мэн Юнь приподняла волосы сына и принялась тщательно тереть за ушами, где наверняка скопилось грязь. Цзян Лю стиснул зубы, его шея съежилась, словно стараясь исчезнуть. Он никак не мог вырваться из железных рук красавицы.

В конце концов, Цзян Лю мог только сдаться и утешать себя тем, что сейчас он всего лишь

ребенок. К тому же не похоже, что на его теле еще оставались места, которых не видела эта красотка.

И все же, после такого болезненного мытья, он почувствовал себя намного комфортнее. Казалось, с него стерлось грязь на пару килограмм, и тело стало легким и бодрым.

— Эх ты, грязная мартышка! Позволь маме помогать тебе мыться, пока это еще удобно. Говорю тебе: пройдет пара лет, и мама не сможет помогать тебе при купании, даже если ты захочешь, — засмеялась Мэн Юнь, отмыв сына.

Она принесла чистый кусок ткани и позволила ему самостоятельно вытираться насухо, собираясь оставить его и заняться своими делами.

— Мама, тот человек, который сегодня обменял тофу на зайца, — это Ху Гуйжун, о котором говорила вторая тетя, верно? Похоже, он до сих пор любит маму.

Мэн Юнь как раз собиралась выйти с ведром грязной воды, когда Цзян Лю внезапно заговорил.

— О чем ты говоришь? Нечего слушать всякий вздор, который болтает твоя вторая тетя.

Мэн Юнь не ожидала, что ее сын внезапно поднимет такую тему. Она замерла на месте, но не решилась оглянуться на выражение лица своего сына в этот момент.

Даже зная, что их отношения всегда оставались в рамках приличий, Мэн Юнь было крайне неловко обсуждать с сыном свои прошлые отношения.

— Какой еще Ху Гуйжун? Тебе не стоит упоминать это имя где бы то ни было, — сказала мать, рассчитывая сразу сбежать.

— Мама, на самом деле, если тебе нравится этот мужчина, то я согласен, чтобы ты снова вышла замуж.

Цзян Лю искренне желал, чтобы Мэн Юнь вышла замуж повторно, понимая, что одна из его задач — дать ей возможность прожить жизнь счастливо и безбедно. Судя по тому, как госпожа Мэн Юнь сосредоточена на своем сыне, в будущем она неизбежно рассорится со своей невесткой.

Сын стал центром ее вселенной. Стоит другой женщине войти в его жизнь, и разум Мэн Юнь неизбежно утратит равновесие. Какой бы замечательной не была невестка, она будет искать кости в яйце и найдет в ней недостатки.

П.п.: Искать кости в яйце (翻鸡蛋, jīdàn lǐ tiāo gǔtōu) — китайская идиома, описывающая излишнюю придирчивость, страсть выискивать недостатки, искать повод для ссоры.

Но если Мэн Юнь снова выйдет замуж, все будет по-другому. Она еще молода и, возможно, в будущем сможет родить других детей. Даже если Цзян Лю по-прежнему будет тем, кого она ценит больше всего, центр ее внимания неизбежно сместится. В ней будет нуждаться муж, в ней будут нуждаться другие дети, она больше не будет овдовевшей матерью, чья жизнь вращается только вокруг Цзян Лю.

Конечно, он хотел, чтобы Мэн Юнь вышла замуж, не только из-за поставленной перед ним задачи.

Одинокая женщина в самом расцвете лет общается близко лишь со своим сыном. Только ей известна глубина тоски, которую она испытывает. Поэтому Цзян Лю хотел дать Мэн Юнь возможность выбора. Если она хочет выйти замуж и готова к этому, неважно, какие методы и средства будут использованы — он исполнит ее желание.

— Замолкни! — впервые Мэн Юнь всерьез разозлилась на своего сына.

— Мама, хоть ты и могла подумать, что я провинился перед отцом, но твой порядочный сын не думал ни о чем таком. Зимние ночи слишком холодны. Я еще помню, как было непривычно в первый раз спать отдельно от мамы, и как я скучал по временам, когда мама и папа согревали меня. Вот и сейчас. Разве после смерти отца сын не мог задаться вопросом: не холодно ли маме спать одной каждую ночь? Есть ли кто-нибудь, кто согреет ее? — поскольку Цзян Лю находился в теле ребенка, он мог говорить только простыми словами, которые мог бы сказать ребенок.

— Пхе, дополнительное стеганое одеяло легко решит эту проблему. Ты так беспокоишься, но ведь в этом году ты и сам спал один, — услышав причину беспокойства сына, Мэн Юнь немного посветлела лицом.

— Ну, в будущем, когда я женюсь, жена поможет мне согреть кровать, — Цзян Лю положился на свою детскую внешность и продолжил говорить так, словно это просто детский лепет. — Когда у меня появится жена, мама по-прежнему будет спать одна. Через десять, двадцать лет. Даже через пятьдесят или шестьдесят лет, у маминого сына все еще будет болеть сердце за нее.

Да, рано или поздно ее сын женится, а она в итоге останется одна.

Вслед за словами сына, Мэн Юнь представила себя в возрасте семидесяти или восьмидесяти лет. Сцена, где она среди зимы в одиночестве дрожит под одеялом, отозвалась в ее сердце горькой тоской.

Погодите, почему это она так близко приняла к сердцу слова этого дурачка?

Выбросив из головы всю эту горечь, Мэн Юнь легонько стукнула сына по голове ковшиком.

Она обнаружила, что ее сын, стоило ему заговорить, действительно поражал. Возможно, дело и правда обстоит так, как сказал патриарх: мальчик обладает великой мудростью. Тогда ей не стоит обращаться с ним, как с ребенком. Пришло время поговорить о серьезных вещах.

— Мама знает, что даланг — почтительный и заботливый сын. Но подумал ли ты о том, что мама знает секрет рецепта тофу семьи Цзян? Семья твоего отца не позволит мне снова выйти замуж за постороннего человека. Кроме того, сейчас патриарх заинтересовался твоим талантом к учебе. Он не позволит мне забрать тебя с собой, если я снова выйду замуж. Если я оставлю тебя в клане Цзян, то наиболее логичным будет доверить твоё воспитание твоим дяде и тете. Как я могу быть спокойна, оставляя тебя в руках этих двоих?

Мэн Юнь взяла на руки своего сына, который еще не дорос ей даже до пояса. Честно говоря, сегодня она была тронута его словами. Независимо от того, вспомнит ли ее сын эти слова и будет ли он потом так же предан ей, как сейчас, Мэн Юнь чувствовала, что все ее жертвы до сих пор стоили того.

— Больше не говори такой ерунды. Просто помни, что в мамином сердце ты — важнее всех и вся.

Сказав это, Мэн Юнь вытерла навернувшиеся слезы, повернулась и вышла.

Она думала, что ее сын прислушается к ее словам и больше не будет поднимать тему повторного брака, но она даже не догадывалась, какие мысли пустили корни в сердце Цзян Лю.

От начала и до конца Мэн Юнь никогда не отвечала на вопрос о повторном браке с Ху Гуйжуном прямо. Вспоминая сцену из памяти оригинала, Цзян Лю был процентов на шестьдесят-семьдесят уверен, эта красавица питает чувства к тому охотнику.

Она отказалась от этих чувств, во-первых, из-за ограничений, наложенных на женщин этой эпохой, а во-вторых, ради будущего ее сына.

Из всех этих размышлений можно сделать только один вывод: все дело во власти, в праве голоса.

Если он взберется достаточно высоко, чтобы даже клан Цзян заставить смотреть на него снизу вверх, и тогда даст согласие на повторный брак матери, кто еще осмелится встать и возразить?

по переводам К.О.Д.

<http://tl.rulate.ru/book/45346/1668386>